

Поле превращения

«Великая шахматная доска» Збигнева Бжезинского надолго определила моду на трактовку новейшей геополитики. Менее известна другая его работа, гораздо более прагматичная — «План игры», изданная и за рубежом и в СССР весьма ограниченным тиражом. Ценность этой работы в том, что она открыла реальный процесс внешнеполитического планирования, в котором Бжезинский в то время играл существенную роль. 30 лет спустя тогдашняя матрица сценариев обрела второе рождение. Тем более что позднее открываемые публике проектируемые картины будущего стали пристрастно ретушироваться и выполнять чаще пропагандистские задачи.

Вспомним 12 базовых сценариев будущего мира, сформулированных в преддверии серьезных геополитических сдвигов конца 1980–1990-х годов. Реальная политика разворачивалась в столкновении замыслов, возможностей и ограничений. Первый сценарий, считавшийся тогда наименее вероятным, — сценарий всеобщей ядерной войны. Но и тогда и сейчас возникает амбивалентный синдром замороженности малыми вероятностями наступления события. Их либо недооценивают вообще, считая, что происходят лишь наиболее вероятные события. Либо этот синдром соседствует с гипероценкой масштаба ущерба, умножаемого многократно, часто на порядки, гиперреакцией, по сути — некомпетентными политическими решениями в связи с чрезвычайным происшествием. Сегодня распространено ощущение почти невозможности всеобщей ядерной войны. Обоснованность такого ощущения сильно преувеличена.

Второй сценарий, представлявший Бжезинскому в начале 1980-х годов не самым вероятным, — децентрализация СССР. Она произошла в усиленном формате, превзойдя ожидания прогноста. Более возможным тогда представлялся сценарий «Широкая разрядка и примирение на основе глобального статус-кво». Именно на него рассчитывало, очевидно, советское руководство. И ошиблось, ошиблось фундаментально. Напряженность того времени сама была следствием все более расшатывающегося глобального порядка.

Целый блок сценариев охватывал сценарии ядерных конфликтов и войн на одном из трех «главных стратегических фронтов»: в Западной Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, в Азии, а также возникновение еще одного фронта — в Латинской Америке. Исходы этих конфликтов виделись разными — от расчета на превосходство США до их

готовности смириться с поражением в Западной Европе или в Персидском заливе.

Два региона имели наиболее развилочные конфигурации событий: Иран и Пакистан и Восточная Европа. Первые становились объектом игры за наращивание там военно-политического влияния СССР. Судьба Восточной Европы зависела от способности СССР продолжать ее экономическую поддержку с соответствующим политическим влиянием и формата взаимоотношений ФРГ и СССР.

Следует отдать должное этому вееру сценариев. Спустя 30 лет видна их непреходящая ценность, как и «отправной пункт для определения политики США». Он поучителен и заключается в том, чтобы «избежать самых опасных сценариев и обеспечить желательный». В той отнюдь не самой благоприятной для США внешнеполитической и экономической конъюнктуре они сумели провести «пешку в ферзи». Этому же принципу США следуют и в настоящее время, тщательно и высоко оценивая потенциал и намерения оппонентов, каждый элемент своей силы, в том числе и самый малозначимый, самый «мягкий».

В отличие от Гитлера, считавшего СССР «колоссом на глиняных ногах» и ошибившегося именно в этом, Бжезинский оказался более точен в своей оценке, призвав не забывать о том, что «Советский Союз подобен гиганту со стальными руками, но проржавевшим нутром. Он может сокрушить своих более слабых оппонентов, но распространяющаяся коррозия съедает его систему».

В терминах шахматной игры СССР накануне своего распада не смог совершить то, что называется «сильное превращение». Единицей измерения силы фигур является пешка, обладающая способностью перевоплощаться. Эта способность мощно укоренена в фольклорной традиции: вспомним сказки о золотой рыбке, Емеле и щуке, Золушке, Илье Муромце и т.п. Ставка на чудо как элемент стратегии обоснована и в военно-стратегической мысли. В шахматах это иллюстрируется превращением пешки в ферзя или более слабыми превращениями — в ладью, коня или слона.

У этой метафоры два следствия. Пешка может получить высшее достоинство, кроме короля, конечно. Но необходимо одно условие — успешно двигаться вперед вопреки сопротивлению противника. Второе условие, достаточное, — достичь того рубежа, который называется полем превращения.

Сказав «а», говори и «б»... Да — да, нет — нет, все остальное, как известно, от лукавого.

 А. Агеев

Авторский блог:
www.ageev.net